

Мои встречи с поэтом Василием Дмитриевичем Фёдоровым

В 1958 году в газетном киоске посёлка Ижморский я купил тоненькую книжечку стихов «Марьевские звёзды» неизвестного мне Василия Фёдорова.

Открыв книжечку, я прочитал:

*Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалял себя в пути суровом.
Потому что получил в наследство
Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.*

Поэт высказал мои сокровенные мысли и, как волшебник, предсказал мою судьбу. Естественно, я не закрыл сборник и залпом прочитал все стихотворения.

В 1959 году наш преподаватель Советской литературы Александр Игнатъевич Горский дал задание написать рецензию на любую современную поэму, я выбрал поэму Василия Фёдорова «Золотая жила» издательства «Огонёк». Строки, метафоры, образы по сей день в моей памяти:

*«О любви,
О гордой жизни деда»...
...«Но пора!
Отбросив полстолетья
И вернётся в Марьевку мою»...
...«У солдатки губы сладки,
У вдовы, как медовы,
У законной у жены,*

Как ковриги аржаны»...

*... «И лежала после этой схватки,
Разодрав одежду о кусты,
Глаша, тонкобровая солдатка,
В полном цвете бабьей красоты»...*

*... «Будто видел он совсем другую,
От которой глаз не отвернуть,
И смотрел на белую, тугую,
Ягодой осыпанную грудь»...*

... «Нёс её в народную молву»...
*... «И однажды ночью чернобурой
Он пришёл, наветам вопреки,
Бросил за порог медвежью шкуру
И о шкуру вытер сапоги.*

*Грубый, в домотканое одетый,
Не читавший даже букваря,
Он сказал, как говорят поэты:
– Золотая искорка моя!»*

И я в рецензии продолжал и продолжал словами поэта Василия Фёдорова, его поэтическими находками, его сочным языком доказывать преподавателю, что это самая лучшая поэма в художественной литературе.

В результате я получил отличную оценку, и Горский сказал, что я открыл для него интересного поэта.

1964 год, в Новосибирском издательстве выходит сборник Василия Фёдорова «Стихотворения и поэмы». Видимо, на презентацию в город приезжает поэт из Москвы. В Союзе писателей Новосибирска, вместе с членами литературного кружка Ильи Фонякова, при газете «Молодость Сибири», я вижу Василия Фёдорова. Узнаю, что он в 1934 году учился в Новосибирском техникуме машиностроения. В этом техникуме стал победителем на литературном конкурсе, но в

газете «Большая смена» была опубликована рецензия и совет победителю: «Упорно учиться... на время оставить стихи». Но на встрече поэт читает проникновенные стихи, держится просто и вызывает всеобщее уважение. Чувствуется, что приехал не столичный гусь, а земляк, старший товарищ.

Весной 1970 года я был на курсах директоров школ в Кемеровском институте усовершенствования учителей. Поэт Валентин Махалов при встрече сказал, что приехал Василий Фёдоров, и пригласил меня на встречу с поэтом в Союз писателей. Часов в пять вечера собралась кемеровская писательская братия, и за банкетным столом сидел почитаемый наш патриарх. Наверное, слово «патриарх» к Василию Дмитриевичу не очень подходит, он был вежливо прост.

Разошлись поздно. Мы с Валентином Махаловым проводили Василия Дмитриевича до гостиницы «Кузбасс». Я уговорил поэта выступить перед директорами школ и завучами в ИУУ. Условились встретиться через день утром.

В институте я пошёл к заместителю директора по учебной части с предложением о встрече с поэтом. Мою пылкую речь остудили, пояснив, что нарушается учебная программа и что директор института на нарушение расписания занятий не даст согласия. Я пошёл в библиотеку, взял «Литературную газету» №13 за 25 марта 1970 года, где на целый разворот, на двух страницах был напечатан текст доклада Василия Фёдорова на съезде писателей «Пути развития поэзии советской России». Газета и доклад подействовали, и директор дала разрешение на встречу.

В 7 часов утра я пришёл к Василию Дмитриевичу в гостиницу «Кузбасс».

Поэт взлохмаченный, не выспавшийся, с беззлобным ворчанием открыл дверь. Минут через 30 вышли на улицу Весеннюю. «Где машина?» – спросил поэт. «Василий Дмитриевич,

где Вы видели, чтобы советский учитель машину имел и деньги на такси? Здесь ходьбы 15 минут, дойдём пешком».

Фёдоров дружелюбно сказал: «Ну и наглец же ты». Минуты две помолчав, буркнул: «О чём я говорить буду с учителями?» – «Будете читать свои стихи». – «Так рано я ещё стихи не читал... Ещё мозг спит...»

Было темно и довольно прохладно. Идти продолжали молча. Утро и ходьба освежили и взбодрили поэта.

Пришли мы вовремя. Увидев симпатичных женщин, Василий Дмитриевич преобразился, весь засиял. Администраторы института стали кокетничать.

Поэт их разом очаровал. Я, явно, уже был лишним и ушёл тихо, по-английски.

В зале сто слушателей. Вошли и сели за стол на сцене поэт и директор института. Администратор представила поэта.

«Я шёл и думал, с чего начать разговор? – глухим голосом заговорил Фёдоров. – И вспомнил техникум. Учительница биологии объясняла щекотливую для подростков тему «Размножение». О человеке она говорила, краснея, в ключе: «аист принёс», «в капусте нашли». Я не сдержался и фыркнул, гася рукавом смех. Учительница вежливо попросила меня покинуть аудиторию... Гуляю я в коридоре, идёт директор техникума. «Изгнали, Фёдоров?» – «Засмеялся не вовремя. Смешно... Мы же знаем, как и от чего появляются дети, а она...» Директор взял меня за локоть: «Гениальных людей, Фёдоров, всегда изгоняют. Запомни!»

«Готовясь к докладу на съезде писателей, я решил посмотреть школьные учебники по литературе. Внимательно просмотрев их, я понял, что литературы в учебниках нет. В них плохие статьи о писателях. И я не стал включать в доклад сведения о школьных учебниках и детской литературе. Попросил содоклад сделать Агнию Барто».

А дальше пошло главное, в сердца и души полилась музыка фёдоровских стихотворений.

Учитель через много лет

Прочтёт вопрос на детских лицах:

«Как обновлялся старый свет

В своих изломанных границах?»

*«На родине моей повыпали снега», «Немало я видел кра-
савиц бедовых», «Я целовал твоё письмо», «Вспоминается
детство и мать моя, жница», «Отцветает тополь, белый
пух кружится», «Если белые вихри навстречу летят», «За
окном густеет сумрак ночи», «Не Богом кроен, не Богиней
шит», «О, женщина, краса земная»...*

И два часа пролетели незаметно. Вместо скучных лекций по методике, мы побывали в театре одного удивительного актёра. Долгие аплодисменты. Гости увели восхищённые дамы института, напоили чаем, подарили цветы и увезли в гостиницу на «Волге».

В этом же, 1970 году, в Марьевке из чистого кедра был построен дом-дача. С 1972 года по 1976 год я работал заведующим Ижморским отделом народного образования и часто навещал чету Фёдоровых.

Как-то я приехал в Марьевку на мотоцикле «Урал». Василий Дмитриевич сел на мой мотоцикл и укатил. Я помогал ему огораживать территорию дачи кривыми берёзовыми жердями. Обработывая жерди топором, беспокоился о долгом его отсутствии. Лариса Фёдоровна успокаивала меня, предложила мне чай. Поэт явился довольный, улыбающийся, с огромным букетом полевых цветов.

В те годы Ижморскую редакцию газеты «Вперёд к коммунизму» объединили с яйской. В газете напечатали моё стихотворение «Сплав на Яе».

*Что в рыбацком котелке,
Вновь кипит вода в реке.
Расстались брёвна с кронами,
Ныряют макаронами.*

4

*Заря как блёстки жирные.
А повара двужильные.
Багры, что черпаки,
Заводят в пар реки.
На лицах – алость мая.
Пот перламутром.
Так сплавщики на Яе
Встречают утро.*

Чтобы не нарушить добрых, доверительных отношений, я никогда не говорил, что пишу стихи и прозу. Боялся, что меня примут за человека, который хочет воспользоваться помощью влиятельных людей, их авторитетом и поддержкой.

«Какой-то Владимир Романов напечатал в яйской районке стихи о сплаве на реке Яе. Это не ты?» – спрашивает Фёдоров. «Однофамилец», – стараясь быть равнодушным, поясняю я. «Ишь, восхваляет сплав на Яе. Деревья у него «ныряют макаронами», «багры, как черпаки», «вода кипит в реке». Засоряют реку, пилят тайгу, уничтожают природу, а он восхищается. «На лицах – алость мая». Бред... А вот рассказ «Мотря» у него хороший».

Я слушал отзыв о своём стихотворении и готов был провалиться сквозь землю. Но это была школа и критика мастера стихосложения, а не какого-то дилетанта, каких много в редакциях газет и в издательствах тоже.

В другой раз приезжаю в Марьевку, два мужика колют берёзовые чурки.

Василий Дмитриевич хвалится новеньким «Уралом». Зовёт его «трёхколёсным Пегасом». На этом мотоцикле мы едем в Яю на пивзавод.

Василий Дмитриевич ведёт «трёхколёсного Пегаса», и ветерок доносит до меня, сидящего в люльке, вирши:

*Не хватает срока моего,
Все требуют меня всего:
Жена – всего, стихи – всего...
Стрекочет даже мой «Урал»,
Чтоб я его не покидал.*

«Вот так мой Пегас помогает мне творить», – говорит Фёдоров и даёт газу.

А ветер уносит стихотворение, как осенний лист, которое падает не на землю, а влетает в мою душу, чтобы потом возродиться в воспоминаниях.

И раз уж я коснулся мотоцикла Фёдорова, то уместно упомянуть, что в 2017 году встретил я страхового агента, Любовь Владимировну Селиванову, которая рассказала, как она оформляла страховку на мотоцикл Василию Дмитриевичу и не знала, что это российский поэт. А узнала только тогда, когда увидела в книжном магазине его сборник. Однако среди многочисленных клиентов поэт ей запомнился.

Но вернёмся к тому времени. Мы приехали с пивзавода, привезли мужикам, колющим дрова, пиво. Разлили пиво по кружкам, но не успели оглянуться, как на стол, находящийся на улице, примчались белки. Стоя на задних лапках, они стали лакать содержимое в кружках. Видимо, пиво им понравилось, и они на наших глазах принимались несколько раз лакать. Потом под наш смех принялись играть, бегая друг за другом. «Расскажу об этом в Москве, писатели не поверят, скажут, что сам до белочек напился», – смеясь, резюмировал Фёдоров.

Однажды я приехал в Марьевку с просьбой, выступить в пионерском лагере в Азаново. «Я перед детьми выступать не умею, – уклончиво ответил поэт. – Уговаривай Лору, она выступит лучше меня. А мне некогда, я Дон-Жуана женю».

Лариса Фёдоровна в это время полоскала бельё на озере Кайдор.

Она встретила нас с подоткнутой по-деревенски юбкой, с обнажёнными руками и согласилась встретиться с пионерами.

Я её на «газончике» привёз в лагерь, расстояние 27 километров в одну сторону. Встреча прошла превосходно. Дети были довольны, Лариса Фёдоровна тоже. После выступления был обед с пионерами в столовой. После обеда я её отвёз в Марьевку.

Над шуткой поэта о женитьбе Дон-Жуана я думал всё время. Загадка разрешилась, когда я увидел поэму «Женитьба Дон-Жуана» напечатанной.

Эту тему, возможно, навеяла колония заключённых в посёлке Яя. Кстати, в этой колонии когда-то отбывала срок жена Бухарина, Анна Ларина.

10 августа 1985 года в городском саду Кемерово были открыты Фёдоровские чтения. Активное участие в организации чтений принимала Тамара Ивановна Махалова. На чтениях присутствовал и я. Из Москвы приехала Лариса Фёдоровна, гости москвичи, новосибирцы и из многих регионов Сибири.

На второй день на большом автобусе многочисленная делегация и я отправились в Марьевку, где открывали установленный памятник Василию Дмитриевичу. Бюст поэта изготовил скульптор Григорий Сергеевич Трофимов. В Марьевке на открытии памятника был воистину крестный ход, посвящённый поэту и его поэзии.

Некоторые эпизоды встреч с поэтом стали темой моих стихов.

* * *

*Нас встречает поэт. Прямой,
Над главою, как нимб, шевелюра.
Он земной и совсем не земной
Говорит: «Дай промчатся аллюром».*

*И пока я в раздумье стою,
Шутит он: «Я всего до Ижморки».
Я ему мотоцикл отдаю
И он мчится с Назаркиной горки.
«Разобьётся столичный поэт», –
Сверлит мозг мой с опаской мыслишка.
Ждём с Ларисой, Василия нет.
«Не волнуйся, он взрослый мальчишка».*

*Не поддерживал я разговор,
Видом всем выражая тревогу.
Не на чай был направлен мой взор.
На дорогу смотрел, на дорогу.*

*Через час появился поэт.
Час мне годом большим показался.
Он привёз для Ларисы букет,
Мне сказал: «Мирowo покатался!»*

*Я гляжу с укоризной, молчу.
И увидев, что я волновался,
Он похлопал меня по плечу.
И я сам над собой рассмеялся.*

Стихотворение прочитано в Марьевке на Фёдоровских чтениях в 2018 г.

Рассказ страхового агента Любви Селивановой

*Июльский день. Посёлок Яя.
В конторе группа мужиков.
Один – высок, глаза сияют,
И я, не зная, кто таков?
Смотрю на нового клиента.
Он подошёл ко мне один.
Сказала в форме комплимента:
«Страховку оформлять, блондин?»
Коснулся он смущённо чуба
И улыбнулся:
«Как Вас звать?»
«Любовь Владимировна».
«Любо!»
«Страховку будем оформлять?»
«Необходимо?! Оформляйте».
Подал на транспорт документ.
«Да осторожно управляйте,
Блондин».
Оформила в момент.
Лишь позже в книжном магазине
Знакомый встретила портрет.
Блондин – был Фёдоров Василий,
Известный всей стране поэт. 2017, Яя.*

Марьевская быль

*Уже конец подходит лету,
И зябко в доме по ночам.
Дрова российскому поэту
От земляков-односельчан.*

Они работают ретиво,
Хозяин накрывает стол,
По кружкам разливает пиво.
Хозяйка ставит разносол:
Селёдка, лук нарезан мелко.
Вдруг, видим: пиво жадно пьёт
Из кружки рыженькая белка
И верещит, подруг зовёт.
И мужики остановились,
С улыбкой стали наблюдать.
Ещё две белочки явились
И стали с жадностью лакать
Хмельную жидкость, словно воду.
Напившись, подняли хвосты
И побежали огородом,
А вскоре скрыли их кусты.
Сказал поэт: «Вот это звери.
Лакали – пена по усам.
А расскажи в Москве, уверят –
До белочек напился сам».

Мы обносили с Фёдоровым территорию дачи жердями. Рядом с домом цвёл куст пиона, Марьин корень. Над белыми бутонами летал шмель. Через некоторое время шмель прилетел к нам и стал гудеть над белой шевелюрой поэта. Это эпизод я взял за основу стихотворения «Марьин корень» и посвятил его Василию Дмитриевичу, но не читал ему и опубликовал впервые в 2015 году в сборнике «Роман с жизнью», изданному в Новосибирске.

Марьин корень

*Деревня Марьевка.
Назаркина гора.
И озеро Кайдор у ленты Яи.
Городим изгородь.
Стучим в два топора
И жерди к тонким
Кольям подгоняем.*

*Сибирским кедром
Пахнет новый дом,
Вознёсшийся, как храм
На косогоре.*

*Тяжёлый шмель
Рокочет над кустом.
Он облетает белый
Марьин корень.*

*И у хозяина такой же
Цвет волос,
Размером шевелюра
В три бутона.
И шмель свой поиск
Быстро перенёс,
Гудит над головою
Монотонно.*

*«Шмель не ошибся, —
Говорит поэт. —
Он, как и я,
Искатель убеждённый.
И голова моя седа,
Как белый цвет.
И, в корне, род мой
В Марьевке рождённый».*

В России много поэтов. Каждый индивидуален. Я многих поэтов люблю, у всех учился сложному языку поэзии. И, наряду с классиками, особо выделяю поэта В. Д. Фёдорова. Он земляк, он роднее, он по духу наш.

Наш

*Я люблюсь красою рек: Яи и Киш.
Все творения Господа выше искусств.
В мире много поэтов, мне ближе поэты России,
Выразители мыслей неотрывных от чувств.
Древнерусские гусли милее, чем лира.
От поэта Бояна наше «Слово» звучит.
Пушкин, Блок, Маяковский мне дороже Шекспира.
Слово русское «песня» мне ближе, чем «хит».
Я смотрю на парад поэтических книжек.
Я смотрю на талант, не смотрю на тираж.
И среди корифеев мне Фёдоров ближе:
Он земляк, он роднее, по духу он наш.*

